

ИТОГОВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Этнография — наука гуманитарная.
Она описывает не то, что существует
в действительности, а то, что
человек воспринимает и на что реагирует.
Л.Н. Гумилев.

На вопрос, где находится Ябельхайде, сейчас мало кто может дать определенный ответ. На Юго-Западе Мекленбурга, где простирается обширная территория, ныне засаженная хвойным лесом, располагаются десять деревень. Это Ябельхайде. Его локализируют в пределах треугольника, ограниченного речками Зуде, Рёгнитц и Эльде, притока Эльбы, или земли южнее линии Редфин — Пихер [Kupfer, 1958: 18]. Эту территорию с запада омывает Эльба. Между тем в беседах с крестьянами-информантами выяснилось, что многим из них неизвестно название региона, хотя оно является традиционным, исконным, и знакомо более образованным и начитанным информантам, представителям интеллигенции [Иванова Ю.В. Архив. Л. 65]. Примерно 100 лет назад название Ябельхайде было вытеснено другим понятием, частично совпадающим с тем, что исторически понималось под областью Ябельхайде, частично включающим более широкую область, — это «Griese Gegend», которое означает ‘серая земля; неплодородная, песчаная местность’. Этимологически народное название региона обусловлено плохими, неплодородными, большей частью песчаными почвами, с чем была связана традиционная система ведения хозяйства и земельной собственности в этом регионе.

Где искать границы «Гризе Гегенд»? На этот вопрос нет однозначного ответа. Авторы многочисленных туристических проспектов и фотоальбомов шуточно отвечают, повторяя слова известного в регионе писателя Йоханнеса Гильхофа: «*Примерно* там, где образуется неровный ромб, если соединить прямыми линиями между собой точки — города Людвигслуст, Хагенов, Любтен и Дёмитц, добавить к получившемуся город Грабов и земли к югу от Людвигслуста да деревеньки Мораас восточнее Хагенова и Йессенитц южнее Любтена. Вот примерно там и находится Гризе Гегенд» [Borchert, 1993: 4]. Этот район всегда был бедным, здесь было мало поместий и крупных крестьянских хозяйств и значительно большее количество бедняков, чем в других местах: отличительной чертой деревень «Гризе Гегенд» является их разделение на ярко выраженный центр, заселенный крестьянами-землеладельцами (Bauerndorf), и «концы», где селились малоземельные и безземельные «бюднеры» и «хойслеры» — *Вьднер- und*

Hndslerende (Илл. 23, 24). Недаром экономность, скупость в хозяйстве, простота и невзыскательность в кухне жителей «Гризе Гегенд» зачастую неприятно поражали переселенцев из других областей Германии [Иванова Ю.В. Архив. Л. 88]. Эта региональная особенность крестьянства легла в основу психологической обособленности жителей местности, что проявляется в культуре деревень и самосознании жителей.

Наиболее ярко идея принадлежности к региону «Griese Gegend» проявилась в беседе с руководителем творческого объединения женщин д. Глайзин «Дома четырех времен года» Верой Фестнер. На наш вопрос о месте деревни в жизни региона Ябельхайде Фестнер отметила, что речь должна идти о регионе «Griese Gegend» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 54 об.]. Эта идея реализуется в названиях краеведческих сборников, рекламных брошюр, местных газетных статей, посвященных культуре региона и пр.: «Путешествие по региону “Griese Gegend”»; «“Griese Gegend”: легенды и истории, обычаи и обряды»; «Добро пожаловать в регион “Griese Gegend”» и т.д. Однако в ответ на прямой вопрос о самоотнесении никто из информантов не причислил себя к жителям Ябельхайде или к старожилам «Гризе Гегенд». Чаще всего жители этого региона определяли себя как мекленбуржцев и / или жителей определенной деревни. Последнее, как правило, относилось к коренным жителям деревень не в первом поколении: «Я — мекленбуржец» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 5]; «Я бы сказал: я — северный немец. Или мекленбуржец, тоже подходит» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 75 об.]. Такая ситуация отвечает общей тенденции регионального (в исторических пределах федеральной земли) самосознания, которую мы наблюдали повсюду в Германии.

Открытием экспедиционных исследований стало наличие узколокального самосознания, ограниченного пределами одной деревни или — реже — одного церковного прихода. Нередко в начале интервью или как итог давалась следующая оценка роли и значимости своей деревни: «Деревенская община здесь очень хорошая. Это еще и потому, что в основном это одно поколение. Двенадцать молодых пар. Так было всегда, с детства играют вместе, потом ходят на танцы, встречаются на останковке... и те, кто переселяется сюда, принимаются общиной. Это такая община, где царит взаимопонимание. А в других деревнях такого, как в Лоозене, нет. Взаимность в других деревнях давно исчезла» [Приложение 2, № 38]; «Жители Глайзина отличаются от жителей других деревень, скажем, от Пихера или Варлова, прежде всего своим дружелюбием и приветливостью. Это становится заметно с первых минут разговора с ними. Они никогда не будут отно-

ситься к вам с недоверием, всегда готовы помочь. Гостеприимность тоже типичная отличительная черта глайзинцев» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 55]. Доказательством уникальности деревни для ее жителей служит наличие локальных традиций — особенностей приготовления праздничных клецок в Лоозене, живые изгороди-беседки из буковых деревьев как место сходки крестьян в Брезегарде [Приложение 2, № 37, 39].

Приведем впечатления стороннего наблюдателя — рассказ Райнхарда Карбова об особенностях общины Пихера: «Пихер — самая большая и красивая деревня в округе, но здесь нет ни одного объединения, ни одного союза, ничего не предпринимается совместно — ни работа, ни праздники. Это сразу бросается в глаза: каждый на своем дворе, внутри своего дома. Пихерцы замкнуты в рамках своей деревни, и даже тех, кто проживает здесь 30 лет и более, они считают за чужаков, приезжих. Жители неприветливы и неохотно вступают в разговор» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 84 об.; Приложение 2, № 40]. Это свидетельство очевидца особенно важно, так как является взглядом извне: Райнхард Карбов переехал из земли Северный Рейн-Вестфалия, своей родины, в Мекленбург несколько лет назад. Интервью, которое Карбов дал участникам экспедиции, построено на сравнении региональных особенностей этой деревни с привычным ему окружением — деревнями католических земель Западной Германии [см.: Приложение 2, № 40]. Подобную характеристику мы услышали и относительно деревенской общины Филанка от хозяйки пекарни госпожи Фогт, происходящей родом из Саксонии: «Все живут обособленно своей жизнью. Несмотря на то, что я здесь уже 13 лет, меня не считают своей» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 77].

Подчеркнутая уникальность традиций деревни выявляется и в способе и особенностях организации деревенских праздников, что было освещено в предыдущем разделе. Таким образом, идея уникальности своей деревни выражалась вербально самими носителями обычаев и традиций той или иной деревни и была выявлена автором как результат научной теоретической обработки материалов экспедиции.

Наиболее выразительно особенность менталитета жителей этой области охарактеризовал Йоханнес Гильхоф (1861–1930), широко известный северно-немецкий поэт, писатель и краевед, уроженец д. Глайзин: «Пески — существенное отличие “Серой земли”. Земля здесь бедная. Нет радующего глаз разнообразия ландшафта, плодородных почв, лиственных лесов и голубых озер. Люди “Серой земли”. Насколько тверда их рука, настолько мягок нрав. Крестьянину юго-запада чужда фантазия, неумел он в украшении жилища и своей жизни. Тяжкий труд не оставил ему на то

времени. Он во всем крестьянин <...> Крестьянин “Серой земли” — реалист до мозга костей. Лучшее его богатство — спокойствие духа, которое могло вырасти только в вековой борьбе с голодной землей. Не скор в мыслях, не скор в речи, не скор в деле. Груб и тяжел, как его земля. Недоверие в его крови — возможно, доля славянского наследия. При первой встрече не слишком обходителен и любезен. Если завоевать его дружбу, то она станет верной опорой в горе и радости» [Gillhoff, 1988: 62]. Любопытно, что сами жители считают, что именно непригодность земли для обустройства крупных немецких поместий и сбора значимых податей в княжескую казну обусловила долгое сохранение здесь славянства, «брошенного в этой местности и забытого правительством» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 66].

Йоханнес Гильхоф, коренной житель Ябельхайде, одной из отличительных черт региона наряду с бедностью называет славянское прошлое: «Здесь дольше всего оставались венды» [Gillhoff, 1988: 58]. Эта точка зрения общепринята в Ябельхайде, ее излагают авторы в брошюрах и изданиях, посвященных региону. «Когда в 1200 г. немецкие крестьяне из Нижней Саксонии и Вестфалии начали заселять земли восточнее Эльбы, они миновали непригодные для хозяйствования земли между Зуде и Эльде и оставили нетронутыми сам район и его жителей. Так, еще в 1521 г. <...> в пустоши Ябельхайде, которая находится в самом центре немецких поселений, жители по своему языку и обычаям были славянами». [Meyer, 1965: 266]. Осознание себя потомками вендов — отличительная черта самосознания жителей региона Ябельхайде («Гризе Гегенд»). Оно питалось и поддерживалось писателями-романтиками, видевшими прелесть и неповторимость своей родины в ее славянском прошлом, старавшимися поэтическими средствами передать это в образах местных жителей: «Ни грубый храм, ни могилы, ни гряды камней не расскажут уже о радостях и бедах вендского народа, о его труде, его гостеприимстве, которое возвышало даже смертельного врага-немца; о Сиве, богине весны; о белых одеяниях жрецов. Неужели все это в прошлом? Или же таинственным образом продолжает жить в крови потомков тех, кто должен был отказаться от своего языка, от своих традиций?.. Не вендская ли щедрость то была, что так трогательно смотрела на меня глазами ребенка, словно загадочный привет через века, как и множество ставших сегодня непонятными названий, которые давал этот богатый на фантазию народ каждому холму и ручью, каждому камню и дереву», — так писал о родине своих предков Адольф Ройтер, сын известного северно-немецкого патриота, писателя и поэта [Reuter, 1926: 27–28] (Илл. 25).

Безусловно, сложной была ситуация в фашистской Германии в отношении национальности и происхождения ее граждан, в том числе славянских связей: люди до сих пор сохраняют родословные, подтверждающие арийское происхождение, как страшный документ истории. Однако, какой бы ни была ситуация в годы молодости поколения информантов экспедиции 2000 г., можно заключить, что в конце XX в. жители Ябельхайде (различные поколения) в беседах подчеркивали факт славянского прошлого их родины, а также обращали внимание на связи своей семьи, деревни, фамилии (в случае их наличия) со славянским миром. Информанты из д. Лаупин, Лоозен, Хоэнвоос, Филанк, Конов в первую очередь отмечали славянское влияние в организации пространства деревни, нашедшее свое проявление в выборе круглой формы деревни, при которой дворы располагались вокруг площади, в центре которой находилась некая доминанта — церковь, высокое дерево, пруд или источник: «И я знаю, что [Воосмер] — это вендская деревня, и что германизация началась потом, и славяне все были... в общем, после германизации немного осталось славянского» [Приложение 2, № 53]; «Знаете, ведь Лоозен — это старая вендская деревня» [Аудиотека МАЭ РАН, № А-2-5].

Также отмечалось наличие в поселениях или около них остатков славянских укреплений, крепостных валов, специфической орнаментики и оформления домов, имеющих неясное происхождение. Бывший школьный учитель из д. Альт Ябель Альфред Гроссман рассказал: «Особенно интересен вендский вал [в деревне Альт Ябель], и известно, что здесь жили венды. У нас здесь много деревень, которые раньше назывались Вендиш Веннинген и т.д. Но потом венды стали немцами. Я не могу сказать о семьях вендского происхождения в деревне, но вот [скрещенные] петушиные головы [на коньке крыши дома Кёпке] — здесь, скорее всего, было вендское влияние» [Приложение 2, № 56]. Другие сведения принадлежат пастору евангелической церкви прихода Альт Ябель Туттасу: «Единственный след от пребывания славян в Мекленбурге — типичные коньки крыш с головами петухов, в Нижней Саксонии — коней» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 4 об.]. Иногда значимые места родной деревни сопровождается фольклорная аура: «Да, здесь были венды. Раньше тут было такое место, называлось Шанц, и рассказывают о разбойнике Рибе. Раньше, когда глайзинцы ездили из Магдебурга и в Магдебург, путь проходил здесь, прямо от Хагенава через Ленцен. В Глайзине тогда были тяжелые дороги... и вот там, где дорога из Глайзина идет в Брезегард, в 100 м, отходит проселочная дорога на Эльдену. Знаете? Так вот это была церковная тропа, и здесь куп-

цы проезжали со своими повозками — там был Мекленбург, Менкендорф. Это крепостной вал еще вендского времени. Справа там есть место, где растут одни только дубы, ни одной елки. Это место не трогают, всегда обходят бороной, когда пахут» [Приложение 2, № 48].

Интересно, что рассказчица Марта Феланд отождествила Менкендорф, небольшой округлый крепостной вал местного значения (в районе д. Гребс, Брезегард и Глайзин), с важнейшим в прошлом городищем на вендских землях — Мекленбургом. На основе соседства со славянским укреплением и расположения на важном пути легенда включает небольшую деревню в один ряд со значимыми надрегиональными центрами торговой и культурной жизни (окололежащие города Хагенов, Ленцен и Магдебург) и делает ее активным участником региональной истории.

Практически все жители Ябельхайде отмечали славянское происхождение местной топонимики; многим известна семантика слов, лежащих в основе топонима: «Наша деревня называется Брезегард, Birkenberg [информант дал точный перевод топонима на немецкий язык. — Ю. И.-Б.]» [Мыльников А.С. Полевой дневник. II. Л. 53]. Информанты из д. Хоэнвоос, Брезегард, Лаупин заявляли о славянском происхождении своих фамилий: «Моя девичья фамилия Кёпке (Корске). Это славянское имя, да»; «Здесь фамилии вендские. Вот, например, Видов (Wiedow) — это старое вендское имя» [Аудиотека МАЭ РАН, № А-2-11, 7].

Мысль о вендских предках современных жителей деревень Ябельхайде внедряется авторами в брошюры последних лет, посвященные юбилеям деревень, и туристические проспекты, обязательным разделом которых является освещение славянской предьстории деревень: «Ябель — это старое вендское поселение. Нашими предками были венды, одно из славянских племен, проникших в пределы Мекленбурга в середине VI в. с востока. Венды были плохими земледельцами и жили в основном охотой, рыболовством, разбоем и грабежами. Поэтому наша родная земля Ябельхайде особенно подходила для жизни нашим вендским предкам. Все деревни Ябельхайде имеют вендское происхождение <...> Названия большинства деревень здесь образованы от вендских слов: Любтеен — ‘Липовое место’, Ябель — ‘Яблочная деревня’, Йезар — ‘Деревня с озером’. Аналогично обстоит дело и с большинством фамилий старых родов Ябельхайде, например, Кёпке, Янке, Лют, Майнке, Йееве, Ялас, Приль, Бёль, Кларфке, Баак, Паннеке, Винке, Хюльс, Зёфке, Любке, Манке, Варнке и др.» [700 Jahre Alt Jabel, 1991: 4–5]. Сходные сведения о славянской предьстории и попытки объяснения формы деревни и ее названия изложены в брошюрах, посвященных юбилеям д. Конов,

Лаупин, Кляйн Крамс Аусбау и др. [Grahl, 1995: 5; Hoffmann, 1998: 3–4]. Славянское прошлое Ябельхайде становится реальностью для выходцев из других областей, переселившихся сюда в XX в.: «[Венды] были здесь. Они же [жители Ябельхайде. — Ю. И.-Б.] потомки вендов. Да-да, это так! Это было очень давно, тысячу лет [назад]. И многие имена, многие фамилии здесь имеют славянское окончание -ow. Так что это еще сохраняется, хотя они достаточно смешались уже [с немецким населением. — Ю. И.-Б.]» [Приложение 2, № 50].

Собственно д. Ябельхайде не всегда политически принадлежала Мекленбургу. В разные исторические периоды она имела различную судьбу: входила в состав герцогских фогтов, была владением монастырей и рыцарских орденов. Во время немецкой феодальной экспансии на Восток вплоть до 1194 г. местность входила в состав графства Данненберг, т.е. была непосредственно связана с Вендландом, поэтому обе территории по традиции иногда называют «Вендланд по обе стороны Эльбы» (Wendland von beiden Seiten der Elbe), т.е. «земля вендов».

Маленький регион на левом берегу Эльбы, в ее нижнем течении, лежащий в пределах Федеральной Земли Нижняя Саксония — Ганноверский Вендланд, в Германии известен исключительно в связи с работами по строительству могильника радиоактивных отходов в соляной шахте Горлебена и мощным движением протеста радикально настроенных «зеленых» и местного населения. Желтые кресты на воротах вендландских домов — свидетельство солидарности жителей с движением, которое частично распространилось и на правобережье Эльбы. Апогеем этого движения явилось основание в мае 1980 г. так называемой «Республики Свободный Вендланд», которая продержалась около месяца и была ликвидирована властями. Так называлась печально знаменитая деревня, которую в знак протеста в считанные дни выстроили на участке со скважиной № 1004 из подручного материала: досок, бревен, картона, соломы. Вдохновителями строительства были молодые активисты, представители молодежного движения «хиппи», интеллигенции, местного крестьянского населения, просто сочувствующие граждане из других земель Германии, а также журналисты, которые освещали события вокруг скважины № 1004. Сюда переезжали целыми семьями; здесь писались стихи, песни и картины. «Свободная Республика Вендланд» создала общину, прообраз коммунистического общества, здесь были свои информационные службы, свое крестьянство и т.д. «Граждане» республики получили паспорта с символикой повстанческой деревни — солнцем и надписью «Republik Freies Wendland», так же выглядел герб (Илл. 26, 27). На выезд

де из деревни стоял шлагбаум и табличка с надписью: «Стой! ФРГ» [Republik Freies Wendland, 1980]. Все участники этого добровольного проекта преследовали одну патриотическую цель — защитить свою землю, свою родину от опасности радиоактивного загрязнения. Надо сказать, что проблема захоронения отходов атомной промышленности из всей Европы в Горлебене не решена по сей день, и тема эта до сих пор остается актуальной: в теленовостях часто мелькают сообщения об акциях протеста «зеленых» в месте проведения геологоразведочных работ.

Отголоски движения 1980 г. ощущаются в Вендланде до настоящего времени. «Свободная Республика Вендланд» нашла своих единомышленников далеко за пределами маленького Вендланда. Как показали полевые исследования 2000 г., люди, переехавшие сюда из других регионов Германии, считают себя убежденными вендландцами (*wendlandbewusst*). Так, председатель городского управления г. Данненберг Мартин Шульц, переехавший в округ Люхов-Данненберг недавно, с гордостью сообщил о получаемой в Вендланде все большее распространение моде наклеивать на автомобильные номера стикеры с изображением герба «республики» и надписью «Republik Freies Wendland» («Республика Свободный Вендланд»). Приверженцы объясняют это явление демонстрацией противопоставления вендландцев остальным немцам и «желанием в будущем получить независимость от Канцлера и Федеративной Республики» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 33]. Таким образом, мы имеем дело с демонстративными действиями, обычно сопровождающими проявление такого компонента самосознания, как самоутверждение. Разумеется, речь идет о региональном самосознании.

Вместе с тем у местного населения не раз отмечалось наличие специфических черт культуры, а также поведенческих особенностей и самосознания. В этих сферах проявляется резкое отличие жителей вендландских деревень от представителей соседних земель. Вендландского крестьянина характеризуют как хитрого, жадноватого, не открывающегося незнакомцу, консервативного, не терпящего инноваций. Это касается в первую очередь быта, хозяйственного уклада и народной культуры. Эти черты характера жители прилегающих к Вендланду областей и немецкие этнографы называют «чужеродностью» [Schwebe, 1960: 3, 11–12]. Она имеет исторически обусловленные причины: вплоть до начала XVIII в. здесь компактно и изолированно от немцев проживали остатки полабских славян, это западный рубеж славянского мира. Ганноверский Вендланд был ареной борьбы славян и немцев и одновременно многовекового мирного их сосуществования. Одной из гипотез, объясняющей причины со-

хранения славянства в Вендланде, является предположение о том, что противостояние немцев и славян с военного уровня переместилось на социальный. Номинально вендландцы были подданными герцога Люнебургского и внешне всецело подчинялись его власти. Это снизило опасность насильственной ассимиляции, которой были подвергнуты славяне на большинстве территорий восточнее Эльбы [Schwebe, 1960: 9]. Специфические черты быта и культуры венды продолжали сохранять в своем замкнутом коллективе, не допуская влияний извне. Отличительные черты менталитета современного вендландца — замкнутость, консервативность и враждебность к чуждому — объясняются исторически выработанной необходимостью сохранения своей культуры в процессе ассимиляции. Таким образом, чужеродность, как и причины культурной уникальности региона, соотносится со «славянским наследием».

Стати, в декларации прав и обязанностей граждан «Республики Свободный Вендланд» 1980 г. одним из пунктов значится «содержать в надлежащем порядке и охранять вендское культовое место 1004 г.» [Republik..., 1980: 12]. Так назывался центральный пункт деревни, возникшей на месте протеста. Здесь был установлен ствол дерева, у которого решались насущные вопросы, а в самой деревне люди, называвшие себя «новыми вендами», сообща возрождали и сохраняли традиции незнакомой им древней вендской культуры. Это было интересно и забавно, потому что о настоящих обычаях этой земли было известно очень мало, и можно было фантазировать и изобретать. Одна из газетных публикаций 1980 г. названа «Они вместе сохраняют вендскую культуру» [«Frankfurter Rundschau» от 05.09.1980], хотя речь в ней идет не о сохранении традиционной культуры региона, а о политических и природоохранных проблемах современного мира. Показательно другое: в кризисный момент истории вендландцы вспомнили и вынесли в лозунги именно этот факт, существенно отличающий их землю от федерального центра. Не случайно в те дни говорилось об аллегорическом противостоянии «новых вендов» и «готов», как называли повстанцы своих противников в листовках и обращениях [Spoo, 1980: 258].

Опыт Вендланда не уникален. История показала, что в последние десятилетия в Западной Европе вследствие различных социально-политических причин провинции, выступая против унифицирующих действий центра, обращаются к локальным вариантам этнических культур, при этом этнонимы народов, давно сошедших с исторической сцены, обретают новую жизнь. Примером тому служат «восстания» Корсики, Эльзаса, Бретани и других провинций Франции [Мыльников, 1995: 120]. Между тем

отождествление вендов и вендландцев — явление не новое; отношение самих вендландцев к этому факту в разные эпохи было неодинаковым. Даже после того, как в Вендланде окончательно вымер дравенополабский язык, городское население продолжало считать всех крестьян сельской местности вендами, хотя те были против и старались пресечь попытки идентификации или сравнения их со славянским этносом. Уже в 1750 г. многие стеснялись своего славянского, сиречь неблагородного, происхождения и отрицали его. Вот, что сообщал неизвестный путешественник в 1751 г.: «Сегодняшние жители чураются сильно вендов. В области Данненберга говорят, будто венды жили только в районе Люхова, а те указывают на данненбергских. Никто из жителей этих округов не хочет быть вендом» [Schulz, 1985: 169].

Некоторые интересные примеры проявления самосознания вендландцев были зафиксированы экспедицией 2000 г. Так, местные жители нередко подчеркивали антропологические отличия вендландцев от германцев и схожесть их со славянами. Информанты Ундине Штивих и Ирмела Швебе указывали на выступающие верхние скулы и чуть раскосую форму глаз женщин Вендланда, которые, по их мнению, являются характерными славянскими чертами [Иванова Ю.В. Архив. Л. 138 об., 143 об.–144].

Попытки выявить антропологические особенности жителей Вендланда и объяснить их славянским влиянием прослеживались на протяжении двух последних столетий: в 1875 г. среди школьников Вендланда было проведено исследование цвета волос и кожного покрова, но оно не выявило каких-либо отличий школьников Вендланда от школьников соседних регионов Поэльбья [Schulz, 1985: 171]. Следовательно, это утверждение следует считать частью области этнической имагологии, поскольку в действительности антропологические различия не являются определяющими для этносов. Лишь в обыденном сознании представление об общности происхождения налагает своеобразный отпечаток на отражение самосознанием действительной или мнимой антропологической однотипности.

Еще одним любопытным примером самоутверждения служит предмет из собрания Кунсткамеры, привезенный из Вендланда и поступивший в собрание Музея в 1995 г. Это фрагмент памятной декоративной ленты, время изготовления которой датируется серединой XIX в. [МАЭ РАН, № 7138–2]. Наиболее выдающейся деталью цветной расшитой шелковой ленты является вышитая белыми шелковыми нитями фраза «ES LEBE DAS WENDLAND» («Да здравствует Вендланд»). «Вендланд» означает «земля вендов», или славян, таким образом, в этой надписи можно отметить проявление местного земельного патриотизма. Лента — бо-

лее ранний пример демонстрации региональной принадлежности, причем материально закрепленной, как и поздние символы «Республики Свободный Вендланд».

Идея истоков культурной уникальности Вендланда в славянском прошлом ныне очень популярна в регионе среди коренных жителей и переселенцев. Эту идею охотно подхватывают инициаторы возрождения и поддержания региональных традиций, пропаганда которых призвана обеспечить развитие туризма и приток финансовых вливаний в регион. Вдохновителем и первооткрывателем Вендланда для массового туризма был почитаемый вендландцами профессор Эрих Кульке (ныне покойный). Основными пунктами обзорных экскурсий по Вендланду являются прогулка по вересковым пустошам (необычный для Германии ландшафт пустоши — визитная карточка Вендланда), посещение круглых деревень-«рундлингов». При этом жители круглых деревень в беседах акцентируют славянское прошлое деревни, а вендландские рундлинги традиционно соотносятся со славянским периодом истории* (Илл. 28).

Гостям Вендланда демонстрируют экспозиции по вендской культуре и выступления ансамбля вендского танца «De Цwerpetters» Участники ансамбля выступают с танцами и песнями, в том числе знаменитой вендской свадебной песней «Katy mks Nonka beyt» на древенополабском языке, которую непременно разучивают вокалисты «De Цwerpetters»**.

* Традиция отнесения круговой формы деревни к славянам корнями уходит в середину XVIII в., когда в 1740 г. Йоханн Георг Кайслер опубликовал дневники своего путешествия по Вендланду и особое внимание уделил круглым деревням со славянскими названиями. Спустя полвека пастор Граферхорст из Вустрова внес свой вклад в рождение мифологии: он издал сочинение, в котором обозначил поселения с круговым планом как вендские и противопоставил их немецким уличным деревням. Область распространения круглых деревень-рундлингов в округе Люхов-Данненберг приблизительно совпадала с границами расселения вендов и сохранения их культуры и языка к началу XVIII в., поэтому у ученых и путешественников того времени не было сомнений относительно этнической принадлежности этого явления: до начала XX в. рундлинги рассматривались как часть древнего вендского культурного наследия [Schulz, 1991: 7, 18–19]. Между тем о славянском происхождении круглой формы поселения однозначно утверждать нельзя: археологами было лишь установлено, что такие поселения, распространенные кроме Вендланда в Альтмарке, Моравии и Словении, характерны для зон германо-славянских контактов [Hardt, Schulze, 1992: 26–27].

** «Свадебная песня», или «Песня невесты», была записана пастором Хеннингом из Вустрова и приведена в его «Vocabularium Venedicum» (1717), а затем появилась в сборнике народных песен Йоханна Готфрида Гердера «Голоса народов в песнях» (1778) под названием «Веселая свадьба.

изданных путеводителей по Вендланду посвящена славянскому периоду истории края, любопытным сообщениям современников и ученых XVII–XVIII вв., древенополабским древностям, языку, обычаям и обрядам, хорошо известным в деревнях и практикуемым по сей день и уходящим корнями в вендское прошлое.

Вендская сатирическая песня». Позднее была использована И.В. Гёте в комической опере «Рыбачка» (1782).

Katy mks Nanka bayt? Telka mks Nanka bayt. Telka ritzi woapak ka neimo ka dwemo: Jos gis wiltya grisna Sena Nemik Nanka bayt, Jos nemik Nanka bayt.	Кому быть невестой? Совушке быть невестой. Говорила им обоим Совушка: Я слишком грустная жена, Не быть мне невестой, Нельзя мне быть невестой.
Katy mks Santik bayt? Stresik mks Santik bayt. Stresik ritzi wapak ka neime ka dwemo: Gos giss wiltge mole Tgaarl, Nemik Santik bayt, Gos nemik Santik bayt.	Кому быть женихом? Крапивнику быть женихом. Говорил крапивник им обоим: Я слишком мал, Не быть мне женихом, Нельзя мне быть женихом.
Katy mks Trelbnik bayt? Wϕrno mks Trelbnik bayt. Wϕrno ritzi wapak ka neime ka dwemo: Gos giss wiltge tzorne Tgaarl, Nemik Trelbnik bayt, Gos nemik Trelbnik bayt.	Кому быть шафером? Ворону быть шафером. Говорил ворон им обоим: Я слишком черен, Не быть мне шафером, Нельзя мне быть шафером.
Katy mks Tjauchor bayt? Wauzka mks Tjauchor bayt. Wauzka ritzi wapak ka neime ka dwemo: Gos giss wiltge glupzit Tgaarl, Nemik Tjauchor bayt, Gos nemik Tjauchor bayt.	Кому быть поваром? Волку быть поваром. Говорил волк им обоим: Я слишком прожорлив, Не быть мне поваром, Нельзя мне быть поваром.
Katy mks Czenkir bayt? Sogangs mks Czenkir bayt. Sogangs ritzi wapak ka neime ka dwemo: Gos giss wiltge dralle Tgaarl, Nemik Czenkir bayt, Gos nemik Czenkir bayt.	Кому быть шинкарем? Зайцу быть шинкарем. Говорил заяц им обоим: Я слишком быстр, Не быть мне шинкарем, Нельзя мне быть шинкарем.
Katy mks Spielmann bayt? Butgan mks Spielmann bayt. Butgan ritzi wapak ka neime ka dwemo: Gos giss wiltge dauge Raath, Nemik Spielmann bayt, Gos nemik Spielmann bayt.	Кому быть шпильманом? Аисту быть шпильманом. Говорил аист им обоим: Клюв мой слишком длинный, Не быть мне шпильманом, Нельзя мне быть шпильманом.

Иными словами, основной упор в туристических программах делается на рекламу славянской экзотики в центре германского мира. Поэтому в процесс возрождения и поддержания вендландских традиций оказывается вовлечен достаточно широкий круг инициаторов, не ограниченный коренными жителями региона. В нем участвуют и недавние переселенцы, считающие себя «убежденными вендландцами» (*wendlandbewusst*), например, активный деятель «Общества круглых деревень» («*Rundlingverein*») Норберт Дистлер, семья которого происходит из Франконии.

По сообщениям участников славянского семинара университета Тюбингена, которые в 1993 г. предприняли экспедиционную поездку в Ганноверский Вендланд, местные жители оценивают собственные традиции очень низко, особенно свое славянское прошлое. В этом случае помогает не только работа местных проветителей, но и контакты с лужицкими сербами, или сорбами. После объединения Германии в 1989 г. именно с Нидерлаузитцем, который ранее находился на территории ГДР, установили контакты представители вендландской интеллигенции: краеведы, музейные работники, любители старины, художники и артисты, просто заинтересованные лица. Например, в 1991 г. началось сотрудничество вендландского «Общества круглых деревень» (*Rundlingsverein*) с сорбским объединением «*Domowina*» в Баутцене / Будышине.

В свою очередь для сорбов в Нидерлаузитце после объединения Германии были созданы условия для культурного обмена с Ганноверским Вендландом. Это было важно для укрепления этнического самосознания и сохранения этнической идентичности лужицких сербов как национального меньшинства. Первая группа лужичан прибыла в Вендланд в 1990 г. и ознакомилась с памятниками древенополабского языка, которые они могли читать без труда и воспринимали этот язык как живой. Представители серболужицкого этноса были заинтересованы в оценке их творчества в Вендланде. В 1990-е гг. был образован рабочий кружок «Вендланд — Лаузитц», ставивший своей целью изучение славяно-германских отношений в Ганноверском Вендланде, активизацию контактов с

Katy mks Teisko bayt?

Leiska mks Teisko bayt.

Leiska ritzi wapak ka neime ka dwemo:

Ris plast neitmo mia wapeis,

Bungde woessa Teisko,

Bungde woessa Teisko.

Кому быть свадебным столом?

Лисе быть свадебным столом.

Говорила лиса им обоим:

Разверните мой хвост —

Он будет вам свадебным столом,

Он будет вам свадебным столом.

[*Burmeister zu Wismar: Erklärung des wendischen Hochzeitsliedes // Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. S. 67–69.*]

сорбами в Лаузитце, а также с Россией, Польшей и Чехией. Интерес к Ганноверскому Вендланду также проявили чехи, которые стали часто приезжать сюда с рабочими визитами после «венде» [Spurensuche im Wendland, 1993: 64–69].

Подобные контакты весьма показательны в смысле самоотнесения. Правда, следует сказать, что это относится, прежде всего, к интеллигенции и практически не затрагивает крестьянство, традиционно занятое тяжелой работой на своих угодьях. Исключения составляют так называемые «крестьянские интеллигенты» — коренные вендландцы, увлеченные историей региона и краеведением. В любом случае символика предметов материальных форм культуры или отдельных элементов (например, в народном костюме или серболужицкий опыт в изготовлении яиц-писанок), играющая важную роль в самоутверждении и процессе этнической идентификации, указывает на отождествление со славянским миром.

Своеобразна духовная атмосфера сегодняшнего Вендланда. Причина — долгое сосуществование двух различных в этническом и культурном отношении групп населения. Приведем несколько примеров. Ни в одном из вендландских рундлингов нет здания церкви. Это довольно примечательная черта, поскольку в соседнем Мекленбурге в центре круглых деревень встречаются церкви (Илл. 42). В Альтмарке, который непосредственно граничит с Вендландом, церкви также располагаются внутри рундлингов, на центральной площади [Lange, 1998: 143]. Обычно на площади в центре круглых деревень находится некая доминанта: дерево, источник, памятник или церковь. Вероятно, в прошлом на этом месте располагался важный для жизни общины культовый объект, место которого позже занял храм. В Вендланде все церкви располагаются за пределами внутреннего пространства рундлинга — на окраине деревни или на подъездных улицах: в рундлинге Цеетце и д. Вольтерсдорф сложенные из грубого природного булыжника первые церкви расположены на окраине поселений, а в Лемгове местная «Хоэкирхе» находится далеко за пределами селения (Илл. 29, 30). Причиной могли служить малые размеры площади внутри деревни, непригодной для возведения довольно большого здания церкви. В самом деле, в Вендланде форма и размер рундлингов немного иные, нежели в Мекленбурге. В последнем центральная площадь деревни не имеет ярко выраженной формы замкнутого круга, куда ведет всего лишь один въезд (как в Вендланде и Альтмарке), а образуется центральным перекрестком, к которому обращены фасады дворов.

Пожалуй, более важным фактором были особенности религиозной жизни населения, а именно — традиционное неприятие

христианства вендландскими вендами. Внутреннее пространство рундлинга использовалось местным вендским населением для соблюдения своих обычаев, а в центре площади даже после официального введения христианства долгое время продолжали устанавливать Короновидное и Крестовидное деревья (напомним, что первые церкви в Вендланде начали строить в XI–XII вв., а обычай установки культовых деревьев продержался до первой четверти XVIII в.). Строительство храма на священной территории могло привести к серьезным столкновениям, чего старались избегать толерантные власти княжества Ганновер и самого Вендланда. Укажем на одну любопытную особенность региона: в центральных районах Вендланда нет ни одного монастыря — все монастыри расположены за его пределами.

Интересное наследие языческих обычаев — это известный «Путь мертвых» (der Totenweg) между д. Гюлитц и Мойхефитц, в котором находилось кладбище и церковь, — сохранялось в этом регионе до начала 1960-х гг. Между деревнями до сих пор существуют особые пути, ведущие к церкви и кладбищу, как правило, это более короткие пешеходные тропы. Часто этим путем движется и траурная процессия. Но «Путь мертвых» из Гюлитца в Мойхефитц — особое явление. Когда кто-то умирал в Гюлитце, покойника нельзя было везти обычным церковным путем, которым ходят прихожане в Мойхефитц. Сразу за Гюлитцем процессия с гробом должна была свернуть с дороги к небольшому ручью. Гроб с покойником снимали с катафалка и помещали в ладью, которую тянули вверх по течению до деревни Мойхефитц. Здесь, в болотистой низине, из множества родников берет начало ручей Гюлитцер Бееке — «Путь мертвых» (Илл. 31). Родственники и близкие умершего тем временем продолжали путь по пешеходной тропе. Обратно в Гюлитц похоронная процессия с ладьей двигалась также по ручью. Очевидно, что обычай восходит к верованию в очистительную силу воды как преграды от возвращения духов умерших к живым. В этом смысле интересно привести параллель из лужицких земель: в середине XIX в. в деревнях района г. Хойерсверды при возвращении с похорон было принято переходить вброд через проточную воду (реку, ручей), даже в зимнее время [Schwebe, 1960: 55]. Истинное значение обычая из Гюлитца со временем было забыто, и эта традиция получила рационалистическое объяснение, но, тем не менее, долгое время продолжала сохраняться. Сейчас ручей не используется для перевозки гроба, траурная процессия движется по асфальтированным дорогам, но Гюлитцер Бееке все еще известен во всем Вендланде как «Путь мертвых».

Отсутствуют документально зафиксированные даты строительства последних церквей и окончательного обращения в христианство деревенского населения в Вендланде. К тому же строительство последней церкви не означало полного перехода вендов к христианскому образу жизни и вере; известно, что в середине XIII в. христианизация шла медленными темпами и терпела неудачи, процесс привыкания вендландцев к новой вере был трудным и неоднозначным. Его следы мы наблюдаем и сегодня в виде вплетений элементов языческого происхождения в современную христианскую культуру региона. Религиозная жизнь и вера хитрого и практичного вендландского крестьянина далека от церковной догмы и принадлежит сфере того, что называют «народным христианством». Сами носители традиции определяют ее как двоеверие: «Все вендландцы, так сказать, двоеверцы: здесь позднее всего было введено христианство, и долгое время сохранялись языческие обычаи и суеверия. Люди почитали Чернобога и других богов, но и крестились тоже на всякий случай. Такая вот «удвоенная безопасность» (из интервью с Ундине Штивих, д. Кармитц) [Иванова Ю.В. Архив. Л. 143 об.]. Иллюстрации «двоеверия» в Вендланде можно встретить повсюду. В стены деревенских церквей вмурованы камни необычных формы или цвета, с изображениями или знаками, в прошлом — жертвенные или культовые камни: «Тойфельсфратце» в северной стене Вольтерсдорфской церкви, «Рилленштайн», расположенный возле входа на северной стене деревенской церкви Мойхефитца, который считается жертвенным камнем, красноватый камень в дверном проеме северной стены разрушенной ныне церкви д. Шпиталь. Примечательно положение камней: все они находятся на северной стене и расположены на уровне глаз человека. Камни были вмурованы в кладку при строительстве, вероятно, с целью привлечь в новый храм язычников, поскольку многие церкви строились на местах языческих капищ или культовых мест. Такое «совмещение» культов было распространено в первые века христианства и не является редкостью.

Иное — вендландские обереги «Schreckküpfe». Это антропоморфные изображения, часто в виде мужских голов с бородой и длинными волосами, которые должны были отпугивать злых духов, защищать от болезней и напастей. Головки-обереги вырезали на поперечных балках фахверка крестьянских домов, и в этом случае они сочетались с резными надписями христианского характера, которыми традиционно оформляют фахверк нижне-саксонских домов-дворов (Илл. 33). Более показательно расположение оберега внутри церкви: справа и слева от алтаря деревенской церкви Лемгова в кирпичные оштукатуренные стены

вмурованы два гипсовых барельефа — мужские головы в головных уборах, с бородой и своеобразной старомодной прической. Головки-обереги будто бы должны защитить церковь и прихожан от нечистой силы, мора и бед (Илл. 34). Синкретизм христианских и языческих представлений подчеркивает древность этой христианской святыни: церковь была построена на месте бывшего языческого капища, и оберег должен был отпугивать старых языческих богов.

Эти объекты культурного наследия прошлого хорошо известны местному населению, краеведы любят упоминать их в своих публикациях, а экскурсоводы специально знакомят с ними гостей Вендланда. Так элементы иной культурной традиции, связанной с этносом-предшественником на данной территории, органично инкорпорируются в современную духовную жизнь региона.

Разумеется, говорить о вендах Германии сегодня нет оснований: во второй половине XX в. в регионах Ябельхайде и Ганноверский Вендланд закончились ассимиляционные процессы, можно установить факт полной ассимиляции славянополабской этнической общности и ее внедрение в северонемецкий субэтнос. Сложно найти сегодня и косвенных «потомков» местных вендов. В значительной мере этому поспособствовало смешение населения после Тридцатилетней войны и особенно после Первой и Второй мировых войн. Демографическая ситуация по окончании Второй мировой войны в пределах современной земли Мекленбург-Передняя Померания была такова, что коренное население оказалось сильно «разбавлено» переселенцами из отчужденных от Германии Восточной Пруссии и Силезии: в 1949 г. их доля составила 46,5 %, т.е. практически каждый второй сегодняшний житель Мекленбурга — новопоселенец [Hoffmann, 1999: 131]. Полевые исследования не зафиксировали и отдельные реликты вымершего в XVIII в. древенополабского языка в повседневном употреблении современных крестьян. Однако в Вендланде несогласие с экологической политикой федерального правительства стало тем толчком, который привел к искусственному оживлению некоторых рудиментов вендской культурной традиции.

Инкорпорирование культуры вендов в северонемецкую культуру в конце XX в. проявляется в картине истории, которую создает для себя современный представитель немецкой нации на изучаемой территории. Особенность населения этого региона, в отличие от других федеральных земель Германии, состоит в том, что этническая память хранит события давно минувших веков.

Проявление этнической памяти осуществляется на двух уровнях: сознательно и неосознанно.

Ее сознательное проявление состоит в том, что население осознает свое славянское прошлое, и это проявляется в различных ситуациях: в прямом признании славянского происхождения своей фамилии, в утверждении славянского прошлого своей деревни, в рассказываемых до сих пор легендах, привязанных к славянским топонимам, в легендах о кровавых жертвоприношениях христиан языческим богам вендов. Когда вчитываешься и вживаешься в легенды и ставшие легендой факты прошлого Северной Германии, вспоминаются слова Честертона о том, что «тысячи кривд указуют перстом легенды на скрытую от нас правду» [Честертон, 1995: 25–26].

Неосознанное знание о вендах раскрывается в содержании легенд об исчезнувших деревнях, городах, замках и церквях и в созданных населением мифологемах, или «легендах». Иначе говоря, в субъективном восприятии культурной традиции, в представлениях современного северонемецкого жителя на землях, в прошлом населенных славянами, некоторые элементы неясного или иноэтнического происхождения оцениваются как славянское явление. Славянская топонимика, материальные и географические объекты, связанные со славянами, легенды и принявшие форму легенды факты прошлого через популярные издания, прессу и устное общение с коренными жителями наследуются переселенцами, становясь для них частью истории их новой родины.

Так, венды с их культурой, экзотической для Германии, пережили средневековые завоевания, последующую ассимиляцию и небрежение XVIII в., а затем воспеты романтиками XIX столетия и вновь очерненные национал-социалистами прошлого века, ныне остаются фактом прошлого, своеобразным символом или локальным *lieux de memoire* Северной Германии.